

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

А. Б. ДИДИКИН

Томский государственный университет
Институт философии и права СО РАН
abdidikin@bk.ru

ANTON DIDIKIN

Institute of Philosophy and Law, Tomsk State University, Russia

MODERN NATURAL LAW THEORIES AND THE CLASSICAL TRADITION

ABSTRACT. The paper attempts to analyze the historical aspects of the formation of some modern natural law theories in legal philosophy of the 20th century. It considers discussions between legal positivism and legal naturalism about the nature of law and the ways this discussion influenced modern legal philosophy. The conceptual grounds and methodology of legal theory is sketched against the background of the broader classical tradition extending from antiquity to early modernity. The author suggests a new approach to the historical research designed to analyze the development of modern legal ideas and natural law theories in legal philosophy.

KEYWORDS: classical theories of natural law and natural rights, analytical legal philosophy, legal rules, the concept of law, the common good, values, legal reality, legal epistemology, L.L. Fuller, J. Finnis.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Одной из главных тенденций в философии права второй половины двадцатого столетия стало возникновение новых форм правового натурализма в качестве реакции на теоретические и методологические установки юридического позитивизма. Новые теории естественного права по содержанию существенно отличаются от предшествовавших им концепций в классической традиции. Специфика взаимодействия натурализма и позитивизма в современной аналитической философии права обусловлена, прежде всего, различиями в концептуальном осмыслении общих условий «юридической действительности» правовых норм (Оглеznev 2012, 55-67). Понимание права как нормативного регулятора человеческого поведения неизбежно ставит вопрос и о разграничении права и морали как стандартов регулирования поведения людей. В этом смысле для правового позитивизма характерно признание в качестве условий «юридической действительности» правовых норм определенных со-

циальных фактов, имеющих эмпирическое содержание, а в правовом натурализме – морального содержания правовых предписаний.

Однако правовой натурализм представляет собой особый способ философских рассуждений о праве, имеющий длительную историю и направленный на обоснование моральной природы юридических установлений, источником которых выступают идеи и принципы естественного права. В античной философии *естественное право* рассматривается как проявление *законов природы* (софисты, Платон, Аристотель), а в философии Нового времени – в качестве проявления *законов разума и разумной природы человека* (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза). Существенными для восприятия естественного права в классической традиции и методов его постижения стали философские представления Фомы Аквинского, который одним из первых осмысляет рациональное содержание естественного права, и обосновывает позицию о том, что принципы естественного права позволяют давать моральную оценку поступкам человека и в этом смысле являются самоочевидными и рационально постижимыми (Финнис 2012, 56). Они становятся способом разумной оценки правильных и неправильных действий человека, а представление об общем благе, по мнению Фомы Аквинского, не может быть логически обосновано и является предметом веры человека в наилучшую жизнь (Финнис 2012, 57). Подобные представления сохраняют значение и в современных концепциях естественного права, получивших единое наименование «*концептуальный натурализм*», в рамках которых естественное право осмысливается в виде *имманентной и фундаментальной характеристики позитивной правовой системы*.

Представители современных теорий естественного права в своей критике позитивистских аргументов о праве сохраняют ряд известных постулатов классической традиции:

- существуют объективно заданные моральные нормы и принципы, лежащие в основе миропорядка и познаваемые человеческим разумом;
- естественное право – юридическая форма определенных моральных принципов, составляющих основу нормативного правопорядка;
- индивид обладает совокупностью естественных и неотчуждаемых прав, существование которых объективно предшествует появлению норм позитивного права;
- нормы позитивного права должны соответствовать принципам естественного права, а также принципу *lex injusta non est lex*, понятому в том смысле, что несправедливые законы не создают моральных обязательств.

Для современных концепций естественного права характерна критика позитивистской методологии и тезиса о разграничении права и морали, «сущего» и «должного» в праве. Как отмечает американский ученый Б. Бикс, концептуальные натуралисты рассматривают право в качестве телеологического понятия и средства построения справедливого общества, отрицают дескриптивный

и морально нейтральный подход неопозитивистов (Vix 2000, 21). В этом смысле интересен телеологический подход в концепции Л. Фуллера, основанный на функциональном анализе права и его процедурном содержании. Особенность методологического подхода Фуллера состоит в понимании цели юридического знания. Правовая теория направлена на познание того, каким образом реализуются «человеческие силы», и не может быть описательной теорией, использующей при анализе права эмпирические данные, как в естествознании. Целью большинства современных концепций естественного права является поиск оптимального взаимодействия правовых норм с фундаментальными правовыми принципами и юридическими процедурами (Л. Фуллер) [Оглезнев 2010, 55–60] и общим благом политического сообщества (Дж. Финнис).

В то же время процедурная концепция естественного права Фуллера представляет собой попытку построения естественно-правовой теории на основе признания отдельных аргументов юридического позитивизма и обоснования ценностной и моральной нагруженности правовых норм. Однако объектом исследования в его концепции являются не юридические правила, а правовые отношения как совокупность юридических процедур по реализации норм права. Сфера правоотношений достаточно широка и включает в себя отношения, возникающие на основе обычаев, договоров, судебных, административных и управленческих решений, и регулируемых нормами статутного права (законодательства). В этом смысле юридическая сила правовой нормы зависит не столько от легитимности законодателя и соблюдения процедур законотворчества, сколько от внутреннего морального содержания юридической нормы (Фуллер 2007, 61–65).

Нормы права имеют целевой и инструментальный характер, который проявляется в процедурах применения права. Данное положение Фуллера базируется на его философских представлениях. Он полагал, что любая интерпретация событий и фактов предполагает выявление в результатах наблюдения *единства целевого, фактического и ценностного содержания*. Нет необходимости разделять сферы фактов и ценностей, поскольку понимание события всегда включает в себя оценку с позиции ценностей: ««факт» события может быть понят только при способности оценить, чтобы знать происшедшее» (Fuller 1956, 699). Отсюда следует, что право может и должно быть понято из самого себя с точки зрения целей и средств правового регулирования отношений в обществе.

В этом случае норма права должна содержать некоторую цель («должное») и определять средства ее достижения. Таким образом, право представляет собой целевую деятельность, направленную на подчинение людей руководству и контролю с помощью общих правовых норм. Например, целью конституционного права является закрепление основных организационных принципов построения системы государственной власти на определенной территории. Фуллер полагает, что именно в конституционном праве воплощены принципы и ценности правовой системы, ссылаясь на положения американской конститу-

ционной доктрины о принципах демократии и правового государства, должных правовых процедурах, принципе разделения властей и т.д.

Фиксация целей и средств, а также соблюдение правовых процедур способствует признанию нормы юридически обязательной. В данном случае нормы законодательства должны соответствовать следующим процедурным правилам: общий характер предписаний правовой нормы, официальное опубликование, отсутствие обратной силы, ясность, непротиворечивость, стабильность, возможность исполнения, соответствие правоприменения содержанию целей и средств правовой нормы. Соблюдение данных правил создает режим «процедурной законности», в рамках которого процедурные правила налагают ограничения на осуществление политических целей государством, в том числе на основе закона. В частности, правило об официальном опубликовании законов предполагает, что государство следует этому правилу. Закон тем самым становится обязательным для государственных органов.

Фуллер полагает, что категории «цель» и «средство» характеризуют взаимодействие процессов управляемости и приспособляемости в обществе. Тем самым целевой и инструментальный характер правовых норм способствует *реализации* моделей «должного» развития правовых отношений в фактических социальных отношениях, то есть в правовой сфере нет существенных различий между «сущим» и «должным». Правовая система представляет собой взаимодействие процессов правотворчества и правоприменения, в которых проявляется «внутренняя моральность» права (Fuller 1956, 700).

На основе процедурного подхода Фуллер обосновывает взаимосвязь юридических форм морали (естественного права) и «процедурной законности». Прежде всего, он проводит различие между «моралью обязанности» и «моралью стремления». Мораль обязанности предполагает наличие минимальных требований, необходимых для обеспечения социального порядка, за несоблюдение которых субъект подлежит наказаниям. Мораль стремления характеризует меняющиеся общественные идеалы о хорошей и успешной жизни, о полной реализации человеческих сил (Фуллер 2007, 15–16). В этом смысле внутренняя моральность права в большей степени есть мораль стремления, но не менее важным условием является и осуществление принципа законности, который отождествляется Фуллером с эффективностью действия законов и легитимностью власти. В данном случае легитимность – это моральное право на осуществление власти, а эффективность – результат действия легитимного государственного принуждения. С точки зрения процедурного подхода Фуллера, именно режим процедурной законности позволяет превратить моральные ценности в правовые принципы и правила, а соответствие деятельности правовых институтов принципу законности гарантирует в определенной степени реализацию «внутренней моральности» права (Nicholson 1974, 310). Иными словами, нарушая правовые принципы и нормы, государство неизбежно утрачивает легитимность власти (Фуллер 2005, 125–126).

Специфика аналитической концепции естественного права Л. Фуллера состоит в том, что естественное право имманентно позитивной правовой системе, оно характеризует разумность в правовом порядке и внешне проявляется в правовых принципах и процедурах. Процедурный подход несколько абстрагируется от содержательных характеристик сущности естественного права. Этот недостаток попытается устранить в своей концепции Джон Финнис.

Финнис строит свою концепцию на иных методологических основаниях. Раскрывая содержание понятия «естественное право», он формулирует принципы практической рациональности, которые позволяют более четко определить цели и средства правового регулирования, а также обосновать идею «общего блага» в политическом сообществе. Естественное право представляет собой «совокупность основных практических принципов, которые определяют основные формы человеческого процветания как благ полученных и реализованных» (Финнис 2012, 135–139). Тем самым естественно-правовая теория определяет перечень основных благ и направляет людей к более эффективному удовлетворению потребностей в основных благах, мотивирует их на основе понимания таких благ к наилучшей жизни. В этом смысле классические представлений о естественном праве Фомы Аквинского получили свое развитие в концепции Финниса.

Практические принципы в данном случае информируют о возможностях участия граждан в обеспечении основных благ, а практическая рациональность позволяет определить, какие действия являются реальным участием в обеспечении одного или более основных благ. Отсюда следует, что моральные принципы формулируются исходя из понимания природы практической рациональности и сущности основных благ. Аналогичное понимание самоочевидности понимания общего блага было и у Фомы Аквинского, взгляды которого Финнис детально анализирует.

Возможны различия мнений по поводу морального обоснования человеческих действий, поскольку принцип практической рациональности допускает «сферу гибкости» в способах получения основных благ, и неясность моральных рассуждений. Тем не менее, Финнис настаивает на универсальной трактовке перечня основных благ и требований практической рациональности.

В концепции общего блага Дж. Финниса существует семь основных благ, в получении которых заинтересован каждый индивид как член общества – *жизнь, знание, игра, эстетический опыт, социальность (дружба, общение), практическая рациональность и религия* (Там же). В трактовке знания как блага Финнис фактически выступает против процедурного подхода Фуллера (знание как средство достижения целей), считая знание самоценным, а получение знания самоочевидным.

Финнис ссылается на самоочевидность перечня основных благ, которые могут быть реализованы всеми людьми. Общее благо при этом складывается из «целостного ансамбля материальных и иных условий», включает в себя и сохранение определенных общественных институтов (например, института се-

мы), моральную среду, необходимых для процветания людей на протяжении их жизни. В этом смысле у Финниса представлена инструментальная трактовка общего блага как средства обеспечения людей конкретными «основными благами» (Murphy 2005, 139). В то же время ни одно из семи основных благ *не может быть аналитически сведено* к другим благам и не может служить средством получения других основных благ. Перечень основных благ при этом не зависит от моральной оценки этих благ.

В концепции Финниса можно увидеть различие между онтологическим и эпистемологическим аспектами естественно-правовой теории. Онтологический аспект состоит лишь в указании на самоочевидность и сущность основных благ, а практическая рациональность при применении к основным благам формулирует и обобщает моральные принципы (Finnis 1999, 197). В этом смысле практическая рациональность выступает и одним из основных благ, и средством получения других благ.

Тем не менее, практическая рациональность включает в себя следующие методологические требования:

- формулировка рационального плана жизни (с сохранением ценности всех основных благ);
- недопустимость переоценки тех или иных основных благ;
- «золотое правило» нравственности; беспристрастность;
- требование не быть равнодушным к другим людям;
- участие в обеспечении общего блага через эффективность собственных действий по реализации основных благ;
- недопустимость поддержки действий против одного или более основных благ;
- признание общего блага и участие в его обеспечении для себя и для других; осознанность действий.

Указанные методологические правила рациональности образуют моральную основу человеческого поведения. В концепции Финниса влияние классической традиции происходит не только на основе взглядов Фомы Аквинского, но и этики Канта. В частности, обосновывая способы рациональных действий, он полагает, что любой осознанный выбор должен соотноситься с волей всех людей. Отсюда справедливое действие – это действие, которое не ограничивает отношение другого человека к основным благам (Finnis 1994, 137).

Финнис не соглашается с известным постулатом классической традиции об оценке позитивных законов в соответствии с принципом *lex injusta non est lex* («несправедливый закон законом не является»). Несправедливый закон, по мнению Финниса, *всегда* является юридически действительным и фактически действующим, если введен в действие с соблюдением формальных процедур законодательства, но не может быть *моральным* обоснованием государственному принуждению, а значит, не обладает *полностью* обязательной юридической силой. В этом смысле несправедливый закон в процессе его применения

не реализует социальные цели, связанные с обеспечением общего блага в обществе.

Таким образом, современные концепции естественного права Л. Фуллера и Дж. Финниса, несмотря на влияние классической традиции, сохраняют неизменными отдельные положения правового позитивизма и тезис разделения права и морали. Попытки гармонизировать способы юридической аргументации и прояснения рационального содержания естественного права приводят к формулировке Финнисом принципов практической рациональности. В конечном итоге современные концепции естественного права в значительной степени решают практическую задачу построения справедливого общества на основе социально ориентированного распределения общественных благ, что, безусловно, отсутствовало в классической традиции изучения естественного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Оглезнев, В. В. (2010) «Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г. Л. А. Хартом и Л. Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права», *Вестник Томского государственного университета* 330, 55–60.
- Оглезнев, В. В. (2012) *Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права*. Томск: Изд-во ТГУ.
- Финнис, Дж. (2012) *Естественное право и естественные права*. Москва: ИРИСЭН; Мысль.
- Фуллер, Л. Л. (2005) «Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту», *Правоведение* 6, 124–159.
- Фуллер, Л. Л. (2007) *Мораль права*. Москва, ИРИСЭН; Мысль.
- Vix, B. (2000) “Natural Law Theory: The Modern Tradition,” J. L. Coleman and S. Shapiro, eds. *Handbook of Jurisprudence and Legal Philosophy*. Oxford: 61–103.
- Finnis, J. (1994) “Natural Law and Legal Reasoning,” in his *Natural Law Theory. Contemporary Essays*. Oxford: 134–158.
- Finnis, J. (1999) “The Truth in Legal Positivism,” *The Autonomy of Law. Essays on Legal Positivism*. Oxford: 195–215.
- Fuller, L. L. (1956) “Human Purpose and Natural Law,” *The Journal of Philosophy* 53.22, 697–705.
- Murphy, M. C. (2005) “The Common Good,” *The Review of Metaphysics* 59.1, 133–165.
- Nicholson, P. P. (1974) “The Internal Morality of Law: Fuller and His Critics,” *Ethics* 84.4, 307–326.